

Два друга. Ги де Мопассан

Осажденный изголодавшийся Париж^[1] был при последнем издыхании. На крышах почти не осталось воробьев, в сточных канавах — отбросов. Люди ели все подряд, без разбора.

Ясным январским утром, спрятав руки в карманы форменных брюк и на пустой желудок уныло прогуливаясь по бульвару, Мориссо — по роду занятий часовщик, в силу обстоятельств оказавшийся не у дел, — внезапно остановился перед одетым, как и он, волонтером, в котором узнал своего приятеля. Это был Соваж, с которым он познакомился когда-то на берегу реки.

Каждое воскресенье до войны Мориссо чуть свет выходил из дому с удочкою в руках и жестяным коробом за спиной. Он ехал поездом в сторону Аржантейля, высаживался в Коломбе и пешком спускался к реке, к острову Марант. Едва достигнув вожделенных мест, он весь отдавался рыбной ловле и удил до темна.

Каждое воскресенье он встречал там маленького добродушного толстяка, Соважа, галантерейщика с улицы Нотр-Дам-де-Лорет, такого же заядлого рыболова, как и он. С удочками в руках, свесив ноги над водой, они часто полдня просиживали бок о бок и вскоре подружились.

Случалось, они не разговаривали вовсе. В иные же дни беседовали, но, впрочем, великолепно понимали друг друга без слов, поскольку вкусы у них были сходны и чувства во всем совпадали.

Весенними утрами, часов около десяти, когда обновленное солнце развешивало над гладью реки легкую дымку, уносившуюся вместе с водой, и обдавало ярких рыболовов еще непривычным по времени года теплом, Мориссо, бывало, говорил соседу:

— Экая благодать!

— Да уж, на что лучше, — отвечал Мориссо.

И этого им было вполне достаточно, чтобы понимать и уважать друг друга.

Осенними вечерами, когда кровавое на закате небо разбрасывало по воде отражения алых облаков, заливало пурпуром реку, воспламеняло горизонт, освещая друзей огненными бликами и золотя порыжелую листву, зябко трепетавшую в предчувствии зимы, Соваж, улыбаясь, поглядывал на Мориссо и говорил:

— Красота!

— Получше, чем на бульварах, а? — не спуская глаз с поплавок, отвечал зачарованный Мориссо.

Узнав друг друга, они обменялись крепким рукопожатием, до глубины души взволнованные встречей, столь непохожей на прежние. Соваж пробормотал со вздохом:

— Вот как все обернулось!

Мориссо простонал сокрушенно:

— А погода какая! Нынче первый ясный денек с начала года.

Небо и в самом деле сияло яркой голубишной. Они зашагали рядом, задумчивые и унылые.

— А как мы, бывало, рыбку удили, а? вспомнить — и то приятно! — нарушил молчание Мориссо.

— Когда еще доведется нам вновь побывать в тех местах? — спросил Соваж.

Они заглянули в маленькое кафе, выпили по рюмке абсента, потом опять побрели по тротуарам. Вдруг Мориссо остановился:

— Может, еще по рюмочке, а?

Соваж согласился:

— Давайте.

Они зашли в ближайший ресторанчик.

Вышли они отуда в сильном подпитии, с отуманенными головами, как оно и бывает, если хлебнуть спиртного на голодный желудок. Было тепло. Ласковый ветерок овеивал их лица.

На воздухе Соваж захмелел и, остановившись, предложил:

— А не податься ли нам туда?

— Куда?

— Что значит куда?.. Удиль рыбу.

— Но куда?

— Да к нашему острову. Французские аванпосты находятся у Коломба. А полковника Дюмулена я знаю, нас пропустят.

Мориссо сразу загорелся:

— Решено! Я с вами!

И они разошлись по домам, чтобы снарядиться в путь.

Через час друзья бок о бок шагали по дороге. Наконец они подошли к вилле, которую занимал полковник. Он улыбнулся, когда они изложили свою просьбу, однако согласился удовлетворить их причуду. Получив пароль, они продолжали свой путь.

Вскоре они миновали аванпосты, прошли через оставленный жителями Коломб и очутились возле небольших виноградников, сбегавших к Сене. Время приближалось к одиннадцати.

Деревня Аржантейль, раскинувшаяся напротив, казалась вымершей. Высоты Оржемон и Саннуа господствовали над всем краем. Обширная равнина, тянувшаяся до Нантера, была безлюдна, совершенно безлюдна — виднелись лишь голые вишневые деревья да серая земля.

Указав на обе высоты, Соваж прошептал:

— Пруссаки вон там, наверху!

И два друга тревожно замерли, оглядывая пустынный край.

«Пруссаки!» Ни тот, ни другой ни разу их не видели, но уже не первый месяц они чувствовали сужавшееся вокруг Парижа кольцо врагов, которые опустошали Францию, грабили, убивали, морили людей голодом — невидимые и всемогущие. И к ненависти, какую вызывал у них этот незнакомый и одерживавший победу за победой народ, примешивался неясный мистический ужас.

Мориссо с запинкой пробормотал:

— А вдруг... вдруг мы на них наткнемся?

Соваж ответил с тою бравадой, которая никогда не покидает истого парижанина:

— Мы их попотчует жареной рыбой!

Однако они не решались двинуться дальше, оробев от окружавшего их безмолвия.

— Ну что ж, идем! Только осторожнее.

Они пригнулись чуть не до земли и, прячась за кустами, опасливо озираясь и чутко прислушиваясь, спустились по винограднику в долину реки.

Чтобы выйти на берег, оставалось пересечь полосу голой земли. Они пустились бегом и, достигнув берегового откоса, затаились в камышах.

Мориссо прильнул ухом к земле, боясь услышать неподалеку шаги. Но ничего не услышал. Они были одни, совершенно одни.

Приободрясь, друзья занялись рыбной ловлей.

Между ними и противоположным берегом лежал, прикрывая их, оставленный людьми остров Марант. Маленький ресторанчик стоял там запертый и казался заброшенным давным-давно.

Первый пескарь достался Соважу, второй — Мориссо, а дальше удочки с трепыхавшейся на конце лески серебристой рыбешкой приходилось вытаскивать поминутно: клев был поистине сказочный.

Они бережно опускали рыбу в веревочный садок с мелкими ячейками, покачивавшийся в воде у их ног. Друзья блаженствовали, охваченные той радостью, которую мы испытываем, возвращаясь к любимому занятию после того, как надолго были его лишены.

Солнце обдавало их спины ласковым теплом; они уже ничего не слышали, ни о чем не думали, весь мир перестал для них существовать — они удили.

Неожиданно глухой рокот, идущий словно из-под земли, потряс берег. Вновь заговорила пушка.

Мориссо оглянулся и увидел слева, вдали, над величественными очертаниями Мон-Валерьяна белый плюмаж — только что взлетевшее облачко порохового дыма.

И тут же второе облачко взвилось над крепостью, и через несколько секунд прогрехотал новый выстрел.

За ним последовали другие, гора поминутно изрыгала смерть, выбрасывая клубы молочно-белого дыма, которые медленно всплывали в безмятежное небо и облаком застывали над ее вершиной.

Соваж пожал плечами.

— Ну вот, опять взялись за свое! — сказал он.

Мориссо, озабоченно наблюдавшего за поплавком, который то и дело уходил под воду, вдруг охватила ярость; мирный по натуре человек, он ненавидел этих кровожадных вояк.

— Надо быть болванами, чтобы уничтожать друг друга, — проворчал он.

— Они хуже зверей, — поддержал его Соваж.

Мориссо, выхватив из воды уклейку, произнес:

— И подумать только, что так будет всегда, покуда существуют правительства!

— А вот республика не объявила бы войны..., — возразил Соваж.

— При королях, — прервал его Мориссо, — воюют за пределами страны, при республике — внутри.

И они спокойно занялись сложными политическими вопросами; обсуждая их, они выказывали здравый смысл мирных и простоватых обывателей и сошлись на том, что людям свободными не бывать. А Мон-Валерьян неумолчно громыхал, изрыгая ядра, и они сносили французские дома, обрывали жизни, губили все живое, сокрушали так много мечтаний, так много долгожданных радостей, так много надежд на счастье, причиняли сердцам жен, сердцам дочерей, сердцам матерей во Франции и в чужой стране неизбывные муки.

— Такова жизнь, — произнес Соваж.

— Скажите лучше: такова смерть, — с улыбкой подхватил Мориссо.

Но тут оба содрогнулись от страха, явственно различив сзади шаги; скосив глаза, они увидели прямо над собой четверых бородатых великанов, четверых вооруженных людей в странной одежде, напоминавшей лакейские ливреи, и в плоских фуражках; вскинув ружья, бородачи держали друзей под прицелом.

Две удочки, выпав из рук, поплыли вниз по реке.

Схватить, связать, поднять их, бросить в лодку и переправить на остров было делом нескольких секунд.

Теперь они увидели позади дома, который считали покинутым, десятка два немецких солдат.

Лохматый верзила, сидя верхом на стуле, попыхивал большой фарфоровой трубкой; он обратился к ним на отличном французском языке:

— Ну, что, господа, хорошо ли удилась рыбка?

Один из солдат, не поленившийся захватить с собою садок, полный рыбы, положил его к ногам офицера.

— О, о, сам вижу, улов неплохой! Но сейчас речь не об этом. Выслушайте меня спокойно. Вы — шпионы, подсланные, чтобы следить за мной. Я схватил вас, и я вас расстреляю. Вы думали скрыть свои замыслы под видом рыбной ловли. Но вы попались мне в руки, тем хуже для вас — это война. Однако вы прошли за аванпосты и, разумеется, знаете пароль, чтобы вернуться обратно. Скажите мне пароль, и я вас помилую.

Друзья стояли рядом, с посеревшими лицами, руки у них дрожали мелкой дрожью; они молчали.

— Никто никогда не узнает об этом, — опять заговорил офицер, — вы тихо-мирно вернетесь к своим. Тайна уйдет вместе с вами. Но если откажетесь — смерть, и немедленно! Выбирайте.

Они не шелохнулись, не открыли рта.

Указав на реку, пруссак невозмутимо продолжал:

— Подумайте: всего пять минут, и вы окажетесь на дне реки. Всего пять минут! У вас, вероятно, есть близкие?

А Мон-Валерьян по-прежнему грохотал.

Рыболовы стояли молча, не шевелясь. Немец скомандовал что-то на своем языке. Затем, взяв стул, пересел подальше от пленников, а двенадцать солдат выстроились в двадцати шагах от них с приставленными к ноге ружьями.

— Даю вам одну минуту, ни секунды больше.

Вдруг он вскочил, подошел к двум французам, взял Мориссо под руку и, отведя в сторону, прошептал:

— Пароль, быстро! Ваш товарищ об этом не узнает, я сделаю вид, что пожалел вас обоих.

Мориссо не ответил.

Тогда пруссак подхватил Соважа и то же самое предложил ему.

Соваж промолчал.

И они опять оказались рядом, плечом к плечу.

Офицер подал команду. Солдаты вскинули ружья.

И тут взгляд Мориссо случайно упал на садок с пескарями, валявшийся на траве, в нескольких шагах от него.

Слабо шевелившаяся рыба поблескивала в лучах солнца. И Мориссо овладела слабость. Он старался преодолеть ее как мог, но все же глаза его застлало слезами.

— Прощайте, Соваж! — вымолвил он через силу.

— Прощайте, Мориссо! — ответил Соваж.

Сотрясаемые неодолимой дрожью, они обменялись рукопожатием.

— Огонь! — крикнул офицер.

Двенадцать выстрелов прозвучали одновременно. Соваж рухнул ничком, как подкошенный. Мориссо, который был выше ростом, зашатался, сделал полоборота и свалился на своего товарища, поперек его тела, навзничь; по мундиру, пробитому на груди, побежали, пузырясь, струйки крови.

Немец вновь приказал что-то.

Его люди быстро разошлись, потом вернулись с веревками и камнями; привязав камни к ногам трупов, они отнесли их на крутой берег.

Мон-Валерьян громыхал без передышки, шапка дыма выросла над ним, как гора.

Двое солдат схватили Мориссо за голову и за ноги; двое других взяли Соважа. Раскачав оба тела, солдаты бросили их далеко в реку, и, описав кривую, трупы стоймя ушли под воду, увлекаемые привязанными к ногам камнями.

Разлетелись брызги, вода закипела, пошла кругами, потом успокоилась, и лишь мелкие волны добежали до берегов.

А поверхность ее слегка окрасилась кровью.

Офицер, по-прежнему невозмутимый, заметил вполголоса:

— Остальное сделают рыбы.

И повернулся, чтобы войти в дом.

Но тут он заметил на траве садок с пескарями. Поднял его, осмотрел, улыбнулся.

— Вильгельм!

Солдат, подбежавший на зов, был в белом фартуке. И пруссак, бросив ему рыбу тех, кого только что расстрелял, распорядился:

— Ну-ка, поджарь мне этих рыбешек, да мигом, пока они еще живые. Вот это будет лакомое блюдо!

И опять задымил трубкой.

Примечания

Напечатано в "Голуа" 24 марта 1883 года.

1 Осажденный... Париж... — Осада Парижа пруссаками началась 16 сентября 1870 года. В январе 1871 года, когда происходит действие новеллы, пруссаки начали артиллерийский обстрел Парижа.